

18+

ВАШИНГТОН
ИРВИНГ

НИКЕР
БОКЕРСКАЯ

ИСТОРИЯ Нью-Йорка

ПЕРЕВОД
АЛЕКСЕЯ КОЗЛОВА

Том

1

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

Вашингтон Ирвинг

**КникерЪ-Бокерская
История Нью-Йорка. Том 1**

«Издательские решения»

Ирвинг В.

КникерЪ-Бокерская История Нью-Йорка. Том 1 / В. Ирвинг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695102-0

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова Первого Тома книги Вашингтона Ирвинга — «КникерЪ-Бокерская История Нью-Йорка». Это одна из первых невероятно смешных исторических сатир, описывающая несколько поколений голландских губернаторов Нью-Йорка (Нового Амстердама), вместе с их фантастическими правлениями и чудесами. Впервые издана в 1808 году и послужила первоисточником для других знаменитых сатир — «Остров Пингвинов» Франса и «История Одного Города» Салтыкова-Щедрина.

ISBN 978-5-00-695102-0

© Ирвинг В.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Неизбежные Извинения АВТОРа	8
Уведомления. которое появилось в газетах, предшествовавших публикации этой книги	10
Путешественник	11
Литературная Заметка	12
Рассказ Автора	13
Для Публики	18
Книга Первая	21
Глава I	21
Глава II	24
Глава III	28
Глава IV	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

КникерЪ-Бокерская История Нью-Йорка Том 1

Вашингтон Ирвинг

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Вашингтон Ирвинг, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-5102-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-5103-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

«КникерЪ-Бокерская История Нью-Йорка» – это книга, опубликованная в декабре 1809 года. Благодаря ей Вашингтон Ирвинг в возрасте двадцати шести лет впервые завоевал широкую известность и влияние. Вальтер Скотт написал своему другу-американцу, который прислал ему второе издание:

«Я прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за то необыкновенное развлечение, которое я получил от самой развеселой из всех историй Нью-Йорка. Я понимаю, что, как человек, незнакомый с американскими партиями и политикой, я, должно быть, не улавливаю скрытой сатиры в этом произведении, но должен признать, что, учитывая только простой и очевидный смысл, я никогда не читал ничего, что так сильно напоминало бы стиль Дина Свифта, как „Анналы Дидриха КникерЪ-Бокера“.. Последние несколько вечеров я был занят тем, что читал их вслух миссис С. и две дамы, которые являются нашими гостьями, и наши собеседники просто изнемогали от смеха. Я также думаю, что есть отрывки, которые указывают на то, что автор обладает способностями иного рода, и в них есть некоторые штрихи, которые очень напоминают мне Стерна.»

Вашингтон Ирвинг был сыном Уильяма Ирвинга, коренастого уроженца Оркнейских островов, родственника Ирвингов из Драма, среди родственников которого был старый историкограф, сказавший им: «Немногие глупцы называют себя Ирвингами». Уильям Ирвинг из Шапинши, что на Оркнейских островах, был младшим офицером на вооруженном пакет-боте на службе Его Величества, когда встретил свою судьбу в Фалмуте в лице Сары Сандерс, на которой женился там же, в Фалмуте в мае 1761 года. Их первенец был похоронен в Англии до июля 1763 года, когда был заключен мир, и Уильям Ирвинг эмигрировал в Нью-Йорк вместе со своей женой, к которой вскоре присоединились родители его жены.

В Нью-Йорке Уильям Ирвинг занялся торговлей и неплохо преуспевал до начала Американской революции. Его симпатии и симпатии его жены были на стороне колонистов.

19 октября 1781 года лорд Корнуоллис с семитысячным войском сдался в Йорктауне. В октябре 1782 года Голландия признала независимость Соединенных Штатов в соответствии с договором, заключенным в Гааге. В январе 1783 года было заключено перемирие с Великобританией. В феврале 1783 года независимость Соединенных Штатов признали Швеция и Дания, а в марте – Испания.

3 апреля того же года у Уильяма и Сары Ирвинг родился одиннадцатый ребенок, которого назвали Вашингтоном в честь героя, под руководством которого закончилась война. В 1783 году был подписан мирный договор, Нью-Йорк был эвакуирован, а Англия признала независимость Соединенных Штатов.

Из одиннадцати детей выжили восемь. Уильям Ирвинг, отец, был глубоко набожным, справедливым и благородным человеком, который сделал религию обременительной для своих детей, связав ее со слишком многими ограничениями и отрицаниями. Один из их двух еженедельных полупраздничных дней был посвящен изучению катехизиса. Более мягкая чувствительность и женские порывы матери оказали на него не слишком большее влияние; но она почитала и любила своего доброго мужа, и когда младший сын озадачивал ее своими шалостями, она говорила:

«Ах, Вашингтон, если бы ты только был хорошим!»

И это потому, что его живой нрав и бьющую ключом фантазию было нелегко усмирить. По ночам он вылезал из окна своей спальни, шёл по карнизу и перелезал через крышу на самый верх соседнего дома только для того, чтобы удивить соседа, бросив камень в его дымоход.

Будучи школьником, он наткнулся на перевод Ариосто, выполненный Хулом, и увлекся «рыцарскими приключениями на заднем дворе» своего отца. «Робинзон Крузо» и «Синдбад-

мореход» пробудили в нём желание отправиться в море. Но это было бы невозможно, если бы он не научился усердно лгать и есть соленую свинину, которую терпеть не мог. По ночам он вставал с постели и час или два лежал на полу, тренируясь.

Он также использовал любую возможность, которая попадалась ему на пути, чтобы съесть ненавистную пищу. Но чем больше ему это нравилось, тем противнее становилось, и он отказался от своей надежды выйти в море, посчитав её неосуществимой. Он увлекся приключениями настоящих путешественников; он жаждал путешествий и в юности был очарован, впервые увидев красоты реки Гудзон. Он сочинял шутки для своих школьных друзей и, конечно же, написал пьесу для школьников. В шестнадцать лет его обучение в школе подошло к концу, и он поступил в адвокатскую контору, откуда его перевели в другую, а затем, в январе 1802 года, еще в одну, где он продолжал работать клерком у некоего мистера Хоффмана, у которого были молодая жена и две малолетние дочери от прежнего брака. С этой семьей у Вашингтона Ирвинга, нерадивого студента, живого, умного, доброго, сложились самые счастливые отношения, из-за которых впоследствии в его жизни случилось глубокое горе и священная память. Старшие братья Вашингтона Ирвинга начинали преуспевать в бизнесе. Брат Питер разделял его увлечение пером и чернилами. Без ведома отца он получал удовольствие от занятий искусством в театре. Он ходил на спектакль, возвращался домой к девятичасовой молитве, ложился спать, вылезал из окна своей спальни, бежал обратно и смотрел продолжение пьесы. Так начинались попытки избежать чрезмерной сдержанности. Но, несмотря на всю эту импульсивную живопыркость, жизнь юного Вашингтона Ирвинга, по мере того как он рос, оказалась в серьезной опасности. Когда ему было девятнадцать, шурин отвез его в Боллстон-Спрингс, и те, кто слышал его непрекращающийся ночной кашель, решили, что ему «недолго осталось коптить в этом мире».

Когда он достиг совершеннолетия, в апреле 1804 года, его братья, главным образом его старший брат, который процветал, выделили деньги, чтобы отправить его в Европу, где он мог бы поправить здоровье, совершив спокойное путешествие по Франции, Италии и Англии.

Когда ему помогли подняться на борт судна, которое должно было доставить его из Нью-Йорка в Бордо, капитан посмотрел на него с жалостью и сказал:

«Этот парень свалится за борт раньше, чем мы выйдем в море».

Но в начале 1806 года Вашингтон Ирвинг вернулся в Нью-Йорк с восстановленным здоровьем. О том, что последовало за этим, будет рассказано во введении к другому тому «Истории Нью-Йорка» Дидриха Кникербокера

Неизбежные Извинения АВТОРА

Нижеследующая работа, в которой с самого начала не предполагалось ничего большего, чем скромный замысел, была начата в сотрудничестве с моим братом, покойным Питером Ирвингом, эсквайром.

Наша идея состояла в том, чтобы пародировать небольшую книжечку, которая недавно вышла в свет под названием «Картина Нью-Йорка». Таким образом, наша работа заключалась в том, чтобы начать с исторического очерка, за которым должны были последовать заметки об обычаях, нравах и учреждениях города, написанные в серийно-комическом ключе, и трактующие местные ошибки, глупости и злоупотребления с оттенком добродушной сатиры.

Чтобы высмеять педантичные знания, представленные в некоторых американских произведениях, наш исторический очерк должен был начинаться с сотворения мира; и мы поместили все виды работ в раздел «Материалы» для банальных цитат, уместных или не относящихся к делу, чтобы придать ему надлежащий вид научного исследования. Прежде чем эта грубая масса мнимой эрудиции обрела форму, мой брат отбыл в Европу, и мне пришлось заниматься этим предприятием в одиночку.

Теперь я изменил план работы. Отбросив всякую идею пародии на «Картину Нью-Йорка», я решил, что то, что изначально задумывалось как вступительный набросок, должно охватывать всю работу и составлять общую комическую историю города. В соответствии с этим я собрал массу цитат и изысканий во вступительные главы, составившие первую книгу; но вскоре мне стало очевидно, что, подобно Робинзону Крузо с его лодкой, я начал слишком масштабно и что для успешного начала моей истории я должен уменьшить масштабы книги. Соответственно, я решил ограничить свою историю периодом голландского господства, который в своем подъеме, прогрессе и упадке представлял собой то единство сюжета, которого требовали классические правила.

В то время этот период также был почти терра инкогнита в истории. На самом деле я был удивлен, обнаружив, как мало кто из моих сограждан знал, что Нью-Йорк когда-то назывался Новым Амстердамом, или слышал имена его первых голландских губернаторов, или хоть немного заботился о своих древних голландских прародителях. Таким образом, для меня это был поэтический век нашего города, поэтичный с самого своего зарождения и открытый, подобно ранним и безвестным дням Древнего Рима, всем украшениям героической литературы. Я приветствовал свой родной город как наиболее удачливый из всех других американских городов тем, что в нем есть древность, уходящая корнями в область сомнений и небылиц. Я также не понимал, что совершаю какой-либо тяжкий исторический грех, подкрепляя те немногие факты, которые мне удалось собрать в этом отдаленном и забытом регионе, плодами собственного воображения, или придавая характерные черты иным именам, связанным с этим регионом, который я смог извлечь из небытия. Несомненно, я рассуждал так, как молодой и неопытный писатель, одурманенный собственными фантазиями; и мои самонадеянные вторжения в эту священную, хотя и заброшенную область истории встретили заслуженное порицание со стороны людей более трезвого ума.

Однако уже слишком поздно возвращать столь опрометчиво пущенную стрелу. Любому, чье чувство собственного достоинства это может задеть, я могу сказать, что согласен с Гамлетом — «Пусть мое отречение от намеренного зла освободит меня от твоих самых благородных мыслей о том, что я выпустил свою стрелу над домом и причинил боль своему брату».

Я скажу это в качестве дальнейшего извинения за свою работу: если она и позволила себе неоправданную вольность в отношении нашей ранней провинциальной истории, то, по крайней мере, привлекла внимание к этой истории и спровоцировала исследования. Только с тех пор, как появилась эта работа, были раскопаны забытые архивы провинций, и факты и персонажи

былых времен были извлечены из пыли забвения и возведены в ранг того значения, которым они на самом деле могут обладать. Главная цель моей работы, на самом деле, имела большое отношение к трезвой цели истории, но, я надеюсь, встретит некоторое снисхождение со стороны поэтических умов. Это было сделано для того, чтобы воплотить традиции нашего города в забавной форме; проиллюстрировать его местечковый юмор, обычаи и особенности; придать домашним сценам, местам и знакомым названиям те образные и причудливые ассоциации, которые так редко встречаются в нашей новой стране, но которые, подобно чарам и заклинаниям, живут в городах прошлого, ибо это старый мир, привязывающий сердце коренного жителя к его дому. У меня есть основания полагать, что в этом я в какой-то мере преуспел. До появления моей работы народные традиции нашего города не были зафиксированы; своеобразные и пикантные обычаи, унаследованные от наших голландских предков, оставались незамеченными, к ним относились с безразличием или с насмешкой.

Теперь они служат праздничной валютой и используются во всех случаях жизни; они объединяют все наше сообщество в духе хорошего настроения и дружеских отношений; они являются объединяющими элементами домашнего уюта; приправой к нашим гражданским праздникам; основой местных историй и шуток; и наши авторы популярной фантастики так заговаривают о них, что я оказываюсь почти вытесненным с легендарной территории, которую я первым исследовал благодаря принимающей стороне, последовавшей по моим стопам.

Я останавливаюсь на этой главе потому, что при первом появлении моей работы её цель и направление были неверно поняты некоторыми потомками выдающихся голландцев, и потому, что я понимаю, что время от времени все еще можно встретить людей, которые относятся к ней предвзято. Однако у меня есть основания льстить себе, что гораздо большая часть моих добродушных картин воспринимается с тем же настроением, с каким они были написаны; и когда по прошествии почти сорока лет я обнаруживаю, что это случайное произведение моей юности всё ещё ценится среди них; когда я обнаруживаю, что само его название стало «нарицательным» и используется для обозначения всего, что рекомендовано к распространению, например, обществ Кникербокер, страховых компаний Кникербокер, пароходов Кникербокер, омнибусов Кникербокер, хлеба Кникербокер и мороженого Кникербокер; и когда я обнаруживаю, что жители Нью-Йорка голландского происхождения гордятся тем, что у них есть дети, ставшие «настоящими любителями бриджей», я тешу себя уверенностью, что задел нужную струну; что мое отношение к старым добрым голландским временам, а также к их обычаям и поверьям находится в гармонии с чувствами и настроением моих сограждан; что я открыл источник приятных ассоциаций и необычных черт, свойственных моему родному месту, и что его обитатели неохотно позволят ему исчезнуть.; и что, хотя другие истории Нью-Йорка могут показаться более достойными научного прочтения и занять достойное место в семейной библиотеке, «История КникерЪ-Бокера» по-прежнему будет воспринята с добродушной снисходительностью, и ее будут листать и посмеиваться над ней у семейного камина.

Саннисайд, 1848 год, У.И.

Уведомления. которое появилось в газетах, предшествовавших публикации этой книги

Из «Ивнинг пост» от 26 октября 1809 года. Огорчительные Вести..

Некоторое время назад покинул свое жилище и с тех пор о нем ничего не было слышно невысокий пожилой джентльмен по имени Кникербокер, одетый в старый чёрный сюртук и треуголку. Поскольку есть некоторые основания полагать, что он не совсем в своем уме, и поскольку за него очень беспокоятся, любая информация, касающаяся его, оставленная либо в отеле «Колумбиан» на Малберри – стрит, либо в офисе этой газеты, будет принята с благодарностью.

P.S.

Издатели газет будут благодарны этой помощи делу человечества в дополнении к выше-сказанному.

От того же самого, 6 ноября 1809 года.

Редактору «Ивнинг Пост».

«СЭР, я прочитал в вашей газете от 26 октября прошлого года заметку о старом джентльмене по фамилии Кникербокер, который пропал из своего дома; если это может принести какую – либо пользу его друзьям или дать им какую-либо зацепку, чтобы узнать, где он находится, вы можете сообщить, и мне сообщили, что человек, соответствующий приведенному описанию, был замечен пассажирами дилижанса в Олбани ранним утром, примерно четыре или пять недель назад, отдохавшим на обочине дороги, немного выше Королевского моста. В руке у него был небольшой сверток, завернутый в красный платок-бандану: судя по всему, он направлялся на север и был очень утомлен.

Путешественник

От того же, 16 ноября 1809 года.

Редактору «Ивнинг пост».

СЭР, вы были так добры, что опубликовали в своей газете заметку о мистере Дидрихе Кникербокере, который так странно пропал некоторое время назад. С тех пор о старом джентльмене не было слышно ничего удовлетворительного, но в его комнате была найдена весьма любопытного вида книга, написанная его собственным почерком. А теперь я хочу, чтобы вы обратили его внимание, если он еще жив, на то, что, если он не вернется и не оплатит свой счет за питание и ночлег, мне придётся избавиться от его книги, чтобы получить компенсацию за то же самое. Я, сэр, ваш покорный слуга Сет Хэндасайт,

Владелец независимого колумбийского отеля, Малберри-стрит. Там же, 28 ноября 1809 года.

Литературная Заметка

ИНСКИП и БРЭДФОРД подготовили к печати и вскоре опубликуют, «Историю Нью-Йорка», В двух томах, двенадцатитомник. Цена три доллара. Содержит отчет о его открытии и заселении, о его внутренней политике, нравах, обычаях, войнах и т. д. и т. п. при голландском правительстве, содержит множество любопытных подробностей, которые никогда ранее не публиковались и которые собраны из различных рукописей и других достоверных источников, и все это с вкраплениями философских размышлений. рассуждений и моральных заповедей. Эта работа была найдена в комнате мистера Дидриха КникерЪ-Бокера, пожилого джентльмена, чье внезапное и таинственное исчезновение не прошло незамеченным. Она публикуется для того, чтобы оплатить некоторые долги, которые он оставил после себя.

Из «Американского гражданина», 6 декабря 1809 года. Опубликовано ли «сей день», Издательством «ИНСКИП и БРЭДФОРД», №128, Бродвей, «История Нью -Йорка» и т. д. и т. п. (Содержит то же, что и выше)

Рассказ Автора

Как-то раз, если мне не изменяет память, в начале осени 1808 года, один незнакомец попросил разрешения поселиться в отеле «Индепендент Колумбиан» на Малберри-стрит, владельцем которого является ваш покорный слуга своей персоной. Это был невысокий, энергичный пожилой джентльмен, одетый в порыжевший чёрный сюртук, оливковые бархатные бриджи и маленькую треуголку. У него было несколько клочков седых волос, заплетенных в косички и собранных сзади в пучок, а борода, казалось, начала расти часов сорок восемь назад. Из одежды на нем была только пара блестящих квадратных серебряных пряжек для ботинок; а весь его багаж помещался в паре седельных сумок, которые он нёс под мышкой. Во всем его облике было что-то необычное, сразу привлёкшее наше внимание, и моя жена, которая была в ту пору очень сообразительной девочкой, сразу же приняла его за какого-нибудь выдающегося сельского чудака – школьного учителя или что-то в этом духе. Поскольку отель, носящий громоздкое название «Independent Columbian» – на деле – это очень маленький домишко, сначала я был немного озадачен, куда его воткнуть, но моя жена, которой, казалось, понравилась его внешность, готова была разместить его в своей лучшей комнате, которая была изящно украшена портретами всей семьи, выполненными в чёрной графике, всё это были работы двух великих художников прерий, Джарвиса и Вуда, и из этой комнаты открывается очень приятный вид на новую территорию Коллекторской конторы а также на заднюю часть Дома для бедных и Брайдуэлл и на весь фасад больницы, так что это была самая развесёлая комнатёнка во всем доме. За все время, что он жил у нас, мы нашли его очень достойным, добрым пожилым джентльменом, хотя и немного странноватым в своих повадках.

Он мог целыми днями не выходить из своей комнаты, и если кто-нибудь из детей плакал или поднимал шум у его двери, он выскакивал в сильном гневе, с полными руками бумаг, и орал что-то о «помешательстве в его мыслях», из-за чего моя жена иногда думала, что он был не совсем в себе. На самом деле, у нее было несколько причин так думать, потому что его комната всегда была завалена обрывками бумаги и старыми заплесневелыми книгами, валявшимися как попало по шесть-семь штук на полу, книг, к которым он никому не позволял прикасаться даже пальцем, потому что, по его словам, он разложил их все по своим местам, так что возможно, он один знает, где их найти; хотя, если уж на то пошло, половину своего времени он проводил, бродя по дому в поисках какой-нибудь книги или сочинения, которые до того тщательно убрал с дороги.

Я никогда не забуду, какой переполох он однажды устроил, потому что моя жена прибралась в его комнате, когда он отвернулся, и навела там такой шорох, что он потом целый вечер божился, что за год не сможет привести свои бумаги в порядок. После этого моя жена отважилась спросить его, что он делает с таким количеством книг и бумаг? и он сказал ей, что «стремится к бессмертию», что еще больше навело ее на мысль, что у бедного старого джентльмена небольшие нелады с головой. Он был очень любознательным человеком и, когда не находился в своей комнате, постоянно рыскал по городу, узнавая все новости и вмешиваясь во всё, что происходило; особенно это проявлялось во время выборов, когда он только и делал, что бегал от избирательного участка к избирательному участку, посещая все собрания прихода и заседания комитетов; хотя я так и не смог найти, чтобы он принимал участие в обсуждении тезисов какой-либо из сторон.

Напротив, каждый раз он приходил домой и начинал с бешеной яростью поносить обе партии – и однажды, к удовольствию моей жены и трёх пожилых леди, которые пили с ней чай, убедительно доказал, что обе партии похожи на двух негодяев, каждый из которых дергает народ за юбку; и что в конце концов они сорвут с него весь плащ и обнажат его вековую наготу. Действительно, он был оракулом среди соседей, которые собирались вокруг него, как

мухи у мёда, чтобы послушать, как он рассказывает о том, как провел день, покуривая трубку на скамейке перед дверью; и я действительно верю, что он привлек бы внимание всей округи своей точкой зрения на тот или иной вопрос, если бы они когда-нибудь узнали, в чём состоит дело. Он был очень склонен спорить, или, как он это обзывал, «философствовать», по самому пустяковому поводу, и, надо отдать ему должное, я не знал никого, кто мог бы сравниться с ним в этой забаве, за исключением пожилого джентльмена серьёзного вида, который время от времени заходил к нему, и часто с места в карьер вовлекал его в спор каким-нибудь неуместным замечанием.

Но в этом нет ничего удивительного, поскольку позже я узнал, что этот незнакомец – городской библиотечарь; и, конечно, хотя он, должно быть, был человек большой учёности; у меня есть сомнения, что он приложил какую-то руку к этой истории. Поскольку наш жилец жил у нас уже давно, а мы никогда не получали от него никакой платы, моей жене стало немного не по себе, и ей стало любопытно узнать, кто он такой и что из себя представляет. Поэтому она набралась смелости задать этот вопрос его другу-библиотечарю, который сухо ответил, что он один из литераторов, что, как она предположила, означало какую-то новую политическую партию.

Мне, признаюсь вам, всегда претило хватать постояльцев за грудки, выпрашивая у них плату за проживание, поэтому я пропускал день за днем, не тратя на старого джентльмена ни фарфинга; но моя жена, которая всегда брала эти дела на себя и, как я уже говорил, женщина проницательная, в конце концов потеряла терпение и намекнула, что, по ее мнению, «некоторым людям давно пора обратить внимание на то, сколь зазорно жить на чужие деньги». На что пожилой джентльмен в весьма склочной манере ответил, что ей не стоит беспокоиться, потому что у него там сокровище (при этом он указал на свои седельные сумки), которое стоит всего её дома, со всем её барахлом, и всем остальным, вместе взятым.

Это был единственный ответ, который мы смогли от него получить; и когда моя жена, с помощью одного из тех странных способов, которыми женщины узнают все, узнала, что у него очень большие связи, что он состоит в родстве с Кникербокерами из Скагтикиока и что Герман приходится кузеном конгрессмену с таким именем, отчего ей ей стало не по себе обращаться с ним, тем более невежливо. Более того, она даже предложила, просто чтобы упростить ситуацию, позволить ему жить безнаказанно и бесплатно, если он на досуге научит детей грамоте, а уж она постарается, чтобы и её соседи тоже посылали своих детей, но старый джентльмен отнесся к этому с таким негодованием и, казалось, был так оскорблен тем, что его приняли за школьного учителя, что она больше не осмеливалась заговаривать на эту тему.

Около двух месяцев назад он как-то раз вышел утром из дома со свертком в руке, и с тех пор о нем ничего не было слышно. О нём наводили всевозможные справки, но тщетно. Он канул, как камень в реке. Я написал его родственникам в Скагтикиоке, но они прислали ответ, что он не был там с позапрошлого года, когда у него возник серьёзный спор с конгрессменом о политике, и он в гневе покинул это место, и с тех пор они ничего о нем не слышали и не видели. Должен признаться, я очень беспокоился за бедного старого джентльмена; потому что я подумал, что с ним, должно быть, случилось что-то из ряда вон плохое, раз он так долго отсутствует и, похоже, никогда не вернётся в родные пенаты, чтобы оплатить свой счет. Поэтому я дал объявление о нем в газеты, и хотя мое печальное объявление было напечатано несколькими типографиями, работающими в духе гуманности, бесплатно, мне так и не удалось разузнать о нем ничего путного.

Тогда моя жена сказала, что пришло время позаботиться о себе и посмотреть, не оставил ли он в своей комнате что-нибудь, чем можно было бы оплатить его питание и ночлег. Однако мы не нашли ничего, кроме нескольких старых книг и заплесневелых рукописей, а также пары его седельных сумок, которые, будучи открыты в присутствии библиотечаря,

содержали лишь несколько предметов крайне поношенной одежды и большую пачку исписанной бумаги.

Библиотекарь сказал нам, что, просмотрев это, он не сомневался, что это и есть то самое сокровище, о котором говорил пожилой джентльмен; поскольку это оказалась превосходнейшая и правдивейшая история Нью-Йорка, которую он посоветовал нам во что бы то ни стало опубликовать, заверив, что она будет с таким энтузиазмом раскуплена взыскательной публикой, что, он не сомневался, ее хватит, чтобы десятикратно покрыть наши расходы и долги этого проходимца.

После этого мы поручили очень ученому школьному учителю, который обучал наших детей, подготовить книгу к печати, что он, собственно, и сделал; и, кроме того, добавил к ней несколько своих замечаний и гравюру с изображением города, каким он был в то время, о котором пишет мистер Кникербокер. Таким образом, перед вами весьма правдивое изложение причин, по которым я решился напечатать эту работу, не дожидаясь согласия автора; и я заявляю, что если он когда-нибудь вернется (хотя я очень опасаясь, что с ним произошел какой-то несчастный случай), я готов отчитаться перед ним как истинный и честный человек. честный человек. Это все, что есть на данный момент!

От скромного слуги народа Сета Хэндасайда.

ОТЕЛЬ «ИНДЕПЕНДЕНТ КОЛУМБИАН», НЬЮ-ЙОРК.

Вышеприведенный рассказ автора был помещен в предисловии к первому изданию этой работы. Вскоре после ее публикации мистер Хэндасайд получил от него письмо, адресованное из маленькой голландской деревушки на берегах Гудзона, куда он прибыл с целью изучения некоторых древних документов. Поскольку это была одна из тех немногих счастливых деревень, куда никогда не попадают газеты, неудивительно, что мистер Кникербокер никогда не видел многочисленных объявлений, которые были сделаны о нем; и что он узнал о публикации своей истории совершенно случайно. Он выразил большое беспокойство по поводу преждевременного появления своего бессмертного труда, поскольку это помешало ему внести несколько важных исправлений и переделок, а также воспользоваться многими любопытными сведениями, которые он собрал во время своих путешествий по берегам Таппанского моря и своего пребывания в Хаверстроу и Эзопусе.

Обнаружив, что в его немедленном возвращении в Нью-Йорк больше нет необходимости, он продолжил свое путешествие до резиденции своих родственников в Скагтикке. По пути туда он остановился на несколько дней в Олбани, к этому городу, как известно, питал большое пристрастие. Однако он обнаружил, что город значительно изменился, и был очень обеспокоен грубыми вторжениями цивилизации и усовершенствованиями, которые предпринимали янки в своих истощных попытках облегчить себе жизнь, и, как следствие, упадком старых добрых голландских манер. В самом деле, ему сообщили, что эти незваные гости вносят печальные новшества во все уголки штата; где они доставляли большие хлопоты и досаду обычным голландским поселенцам, возводя шлагбаумы и сельские школы.

Говорят также, что мистер КникерЪ-Бокер печально покачал головой, заметив постепенный упадок огромного дворца Вандер-Гейден, но был крайне возмущён, обнаружив, что древняя голландская церковь, стоявшая посреди улицы, была снесена со времени его последнего визита. Слава об истории мистера Кникербокера дошла даже до Олбани, и почтенные горожане отнеслись к нему с большим вниманием; некоторые из них, однако, указали ему на две или три грубейшие ошибки, в которые он впал, в частности на то, что он подвесил кусок сахара над чайными столиками в Олбани, что, по их заверениям, было сильным преувеличением, с этим древним ритуалом было покончено уже несколько лет назад.

Более того, несколько семей были несколько задеты тем, что их предки не были упомянуты в его работе, и проявили большую зависть к своим соседям, которые таким образом отличились; в то время как последние, надо признать, после этого сильно возомнили о себе, рас-

смаывая эти записи в свете свидетельств их благородства, подтверждающих их притязания на королевское происхождение, что в этой республиканской стране является предметом немалого бахвальства и тщеславия.

Говорят также, что он пользовался большим расположением губернатора, который однажды пригласил его на обед, и его видели два или три раза, когда он пожимал ему руку, когда они встречались на улице; что, безусловно, имело большое значение при оценке его репутации, учитывая, насколько они расходились в политических взглядах. Действительно, некоторые из близких друзей губернатора, которым он мог позволить себе открыто высказывать своё мнение по таким коренным вопросам, заверили нас, что в частном порядке он питал немалое расположение к нашему автору – более того, однажды он даже зашёл так далеко, что заявил об этом открыто и по своему усмотрению, за своим столом, сразу после ужина, что «КникерЪ-Бокер был старым джентльменом с самыми благими намерениями и уж точно далеко не дураком».

Исходя из всего этого, можно было бы предположить, что, если бы наш автор придерживался других политических взглядов и писал для газет, вместо того чтобы растрачивать свой талант на истории, он мог бы занять какой-нибудь почетный и прибыльный пост: возможно, стать государственным нотариусом или даже судьей в суде на фоне десяти фунтов стерлингов зарплаты.

Помимо уже упомянутых почестей и любезностей, он был очень обласкан литераторами Олбани, особенно мистером Джоном Куком, который очень гостеприимно принимал его в своей передвижной библиотеке и читальном зале, где они обычно пили термальную воду и беседовали о древних. Мистер Кук пришёлся ему по душе – он увлекался литературой и был любознательным библиофилом и коллекционером книг. При расставании последний в знак дружбы подарил ему две старейших инкунабулы из своей коллекции; это были самое раннее издание Гейдельбергского катехизиса и знаменитый рассказ Адриана Вандер Донка о Новых Нидерландах; последним из них мистер

КникерЪ-Бокер очень попользовался в своем втором издании. Приятно проведя какое-то время в Олбани, наш автор отправился в Скагтик, где, справедливости ради, его приняли с распростертыми объятиями и отнеслись к нему с удивительной добротой. Семья очень уважала его, так как он был первым историком, прославившим это имя, и здесь он считался почти таким же великим человеком, как его двоюродный брат, конгрессмен, с которым, между прочим, он к тому времени совершенно примирился и завязал крепкую дружбу.

Однако, несмотря на доброту своих родственников и их огромное внимание к его удобствам, старый джентльмен вскоре стал беспокойным и склонным к проявлениям недовольства. После того как его история была опубликована, ему больше нечем было занять свои мысли и к его великой печали, у него не было никаких планов, которые могли бы возбудить в нем новые надежды и предвкушения. Для такого занятого человека, как он, это была поистине прискорбная ситуация; и если бы он не был человеком с несгибаемой моралью и правильными привычками, существовала бы большая опасность того, что он увлечётся политикой или пьянством – и тем, и другим – пагубными пороками, к которым, как мы ежедневно видим, люди приходят из-за простой хандры и праздности. Это правда, что он иногда занимался подготовкой второго издания своей «Истории», в котором старался исправить и дополнить многие места, которыми был недоволен, и исправить некоторые ошибки, которые в нее вкрались, поскольку он особенно стремился к тому, чтобы его работа была отмечена за её подлинность и неподкупную честность, что, действительно, было очень важно, ибо здесь воспевалась сама жизнь и проявлялась истинная душа мировой истории. Но блеск композиции угасал – ему пришлось оставить нетронутыми многие места, которые он с удовольствием изменил бы; и даже там, где он вносил изменения, он, казалось, всегда сомневался, к лучшему они или к худшему.

Прожив некоторое время в Скагтикике, он почувствовал сильное желание вернуться в Нью-Йорк, к которому всегда относился с самой теплой привязанностью; не только потому, что это был его родной город, но и потому, что он действительно считал его самым лучшим городом в мире. По возвращении он в полной мере воспользовался преимуществами честно заработанной литературной репутации. Его постоянно просили писать рекламные объявления, петиции, рекламные листки и воззвания разного рода; и, хотя он никогда не совался в публичные газеты, тем не менее, ему принадлежит заслуга написания бесчисленных эссе и остроумных заметок, которые появлялись на все темы и по всем аспектам вопроса, и во всем особенно ярко проявлялся его «отличный от всего стиль».

Кроме того, у него образовался значительный долг в почтовом отделении из – за многочисленных писем, которые он получал от авторов и типографий с просьбами о подписке, и каждое благотворительное общество обращалось к нему с просьбой о ежегодных пожертвованиях, которые он делал с большой охотой, почитая эти просьбы большим комплиментом, на которые он, якобы, не имел права отвечать отказом.

Однажды его пригласили на большой корпоративный обед, и даже пару раз вызывали в качестве присяжного заседателя на квартальные заседания суда. В самом деле, он стал настолько знаменит, что уже не мог, как прежде, рыскать по всем углам города, сообразуясь со своим настроением, незаметно и без помех; но несколько раз, когда он прогуливался по улицам, совершая свои обычные наблюдательные прогулки, он был вооружен известно, что при виде его трости и треуголки играющие маленькие мальчики кричали: «А вот и Дидрих!», чем старый джентльмен, казалось, был немало доволен, рассматривая эти приветствия в свете похвалы потомков.

Одним словом, если мы примем во внимание все эти различные почести и отличия, а также пышную хвалебную речь, которую он пронёс в своем портфеле (что, как нам сказали, настолько ошеломило старого джентльмена, что он был болен в течение двух или трех дней), то следует признать, что немногие писатели когда-либо доживали до того, чтобы получить такие выдающиеся награды, или так полно и беззаботно наслаждались своим бессмертием.

После возвращения из Скагтикика мистер КникерЪ-Бокер поселился в небольшом сельском особняке, который Стайвесанты предоставили ему в качестве семейного владения в благодарность за то, что он почтительно упомянул их славного предка.

Особнячок этот, издали сильно смахивавший на библейский мини-ковчег, был удобно расположен на границе одного из солончаков за Корлирс-Хуком; правда, время от времени его заливало водой, а летом он кишел москитами, но в остальном был очень приятным местом, где росли обильные урожаи солончаковой травы, придорожной крапивы, подорожника, пырея и рослого болотного камыша.

Здесь, к сожалению, добрый старый джентльмен опасно заболел лихорадкой, вызванной близостью соседних болот. Когда он почувствовал приближение своего конца, он сразу распорядился своими мирскими делами, оставив большую часть своего состояния Нью-Йоркскому историческому обществу, Гейдельбергский Катехизис и труд Вандера Донка городской библиотеке, а свои седельные сумки мистеру Хэндасайду. Бонусом к этому он скопом простил всех своих врагов, то есть всех, кто питал к нему какую – либо вражду; что касается его самого, то он заявил, что умирает с благоволением ко всему миру и улыбкой на устах.

И, продиктовав несколько добрых посланий своим родственникам в Скагтикике, а также некоторым из наших самых уважаемых голландских граждан, он тихо скончался на руках у своего друга-библиотекаря. Его останки были похоронены, согласно его собственной просьбе, на кладбище церкви Святого Марка, рядом с костями его любимого героя Питера Стайвесанта; и ходят слухи, что Историческое общество намерено воздвигнуть деревянный памятник в его память на лужайке для боулинга.

Для Публики

«Чтобы спасти от забвения великую память о былых событиях и воздать должное славе многих великих и замечательных деяний наших голландских предков, Дидрих Кникербокер, уроженец города Нью-Йорк, публикует это историческое эссе»

Подобно великому Отцу истории, чьи слова я только что процитировал, я говорю о давно минувших временах, на которые уже набросили свои тени сумерки неопределенности и ночь забвения вот-вот должна опуститься, скрыв от нас всё и навсегда.

Долгое время я с большим беспокойством наблюдал, как ранняя история этого почтенного и древнего города, как шагреновая кожа, постепенно ускользает из наших рук, дрожит на устах повествовательной старости и день ото дня по частям уходит в могилу немотствия. Пройдет немного времени, думал я, и эти почтенные голландские бюргеры, которые служат шаткими памятниками добрых старых времен, будут убраны вместе со своими отцами; их дети, поглощенные пустыми удовольствиями или незначительными делами нынешнего века, не будут дорожить воспоминаниями о прошлом, и потомки будут тщетно искать памятники времён Патриархов. Происхождение нашего города тогда будет предано вечному забвению, и даже имена и достижения Ваутера Ван Твиллера, Уильяма Кифта и Питера Стайвесанта будут окутаны сомнениями и вымыслом, как имена Ромула и Рема, Карла Великого, короля Артура, Ринальдо и Годфри Булонского. Поэтому, преисполненный решимости предотвратить, если возможно, это миру грозящее несчастье, я усердно принялся за работу, чтобы собрать воедино все сохранившиеся фрагменты нашей древней истории; и, подобно моему почитаемому прототипу Геродоту, о котором не было найдено никаких письменных свидетельств, я постарался продолжить историческую цепочку, тщательно изучив ее в её аутентичной традиции.

В этом трудном деле, которому я посвятил всю свою долгую, размеренную и уединённую жизнь, я консультировался с невероятным количеством учёных и авторов, и всё безрезультатно. Каким бы странным это ни казалось, но, несмотря на то, что об этой стране написано множество превосходных работ, до нас не дошло ни одной, которая давала бы сколько-нибудь полный и удовлетворительный отчёт о ранней истории Нью-Йорка или о трёх его первых истинно голландских губернаторах.

Однако я почерпнул много ценного и любопытного из тщательно составленной рукописи, написанной на исключительно чистом и классическом нижненемецком языке, и найденной в архивах семьи Стайвесант, если закрыть глаза на несколько незначительных орфографических ошибок, туда закравшихся. Множество легенд, писем и других документов я также собрал по крупицам в ходе своих изысканий в семейных сундуках и на чердаках наших уважаемых голландских граждан; и я собрал множество достоверных преданий от нескольких моих знакомых почтенных старушек, которые просили, чтобы их имена не упоминались. Я также не могу не признать, насколько большую помощь оказало мне это замечательное и достойное похвалы учреждение – Историческое Общество Нью-Йорка (ИОНИ), которому я здесь публично выражаю свою искреннюю признательности благодарность.

При проведении этой бесценной работы я не придерживался какой-либо индивидуальной модели, а, напротив, просто удовлетворился объединением и концентрацией достижений наиболее признанных историков древности. Подобно Ксенофону, я придерживался предельной беспристрастности и строжайшей приверженности истине на протяжении всей своей истории. Я обогатил её, исключительно в духе Саллюстия, различными персонажами и муляжами древних мудрецов, нарисованными во весь рост и точно по контуру раскрашенными. Я приправил его глубокими политическими размышлениями, как Фукидид, подсластив глобальную картину изяществом чувств, я сбрызнул блюдо лимонным соком самой настоящей сатиры, как Тацит, и придал всему этому достоинство, величие и великолепную манеру Ливия, которого я знал

почти наизусть, как облупленного. Я сознаю, что навлеку на себя порицание многочисленных весьма образованных и рассудительных критиков за то, что слишком часто прибегаю к смелой экскурсионной манере моего любимого Геродота. И, честно говоря, я не всегда мог устоять перед соблазном этих приятных эпизодов, которые, подобно цветочным клумбам и благоухающим беседкам, окружают пыльную пустынную дорогу историка и манят его свернуть в сторону и освежиться после долгого пути в оазисе фантазии. Но я надеюсь, что вскоре выяснится, что я всегда брался за работу и отправлялся в свое утомительное путешествие с обновленным настроением, так что и мои читатели, и я сам получали пользу от подобного отдыха. Действительно, хотя моим постоянным желанием и неизменным стремлением было соперничать с самим Полибием в соблюдении необходимого единства пространства мировой истории, тем не менее, разрозненность и бессвязность, с которой многие из приведенных здесь фактов попадали в руки, делали такую попытку чрезвычайно трудной. Эта трудность также усугублялась одной из главных задач, поставленных в моей работе, которая заключалась в том, чтобы проследить возникновение различных обычаев и институтов в этих лучших игородах мира и сравнить их, начиная с времён, когда они находились в зачаточном состоянии, с тем, с чем они дошли до нынешней эпохи великих знаний и абсолютного совершенствования.

Но главное достоинство, за которое я себя ценю и на которое возлагаю надежды в будущем, – это та предельная правдивость, с которой я составил этот бесценный небольшой труд, тщательно отсеивая плевелы гипотез и отбрасывая каверзы небылиц, которые слишком склонны прорасти в пахучем перегное провинции, заглушая благородные семена истины и побегі полезных знаний.

Стремился ли я этим увлечь поверхностную и легкомысленную толпу, которая, как стая ласточек, скользит по поверхности литературы; или же стремился порадовать своими произведениями избалованных гурманов литературного эпикура, где я мог бы воспользоваться мраком, омрачающим юные годы нашего города, и представить тысячу приятных вымыслов, мне трудно ответить на этот вопрос.

Но я скрупулёзно подходил к делу и отбросил многие содержательные истории и удивительные приключения, которыми можно было бы увлечь сонный слух нашего всегдашнего летнего бездельника, ревниво сохраняя ту верность, серьёзность и достоинство, которые всегда должны отличать солидного историка.

«Писатель такого класса, – замечает один элегантный критик, – должен сохранять репутацию мудрого человека, пишущего в назидание потомкам; человека, который хорошо учился, чтобы получать информацию, который тщательно обдумывал свой предмет и обращается скорее к нашему суждению, чем к нашему воображению».

Поэтому наш прославленный город трижды счастлив тем, что в нем есть события, достойные того, чтобы обогатить тему мировой истории, и вдвойне счастлив тем, что у него есть такой историк, как я, который может осмелиться рассказать о них. Ибо, в конце концов, любезный читатель, города сами по себе и, по сути, империи сами по себе – ноль, ничто, пустое место без историка, который их заметит и запечатлит. Именно терпеливый рассказчик повествует об их процветании по мере того, как они поднимаются из грязи, – о великолепии их полуденного зодиака, – поддерживает их слабые памятники, когда они приходят в упадок, – и собирает воедино из разрозненных фрагментов, когда они разлагаются. Распадаются и гибнут, единую картину, – и, наконец, благочестиво складывает их прах в мавзолей своего героического подвига, и воздвигает триумфальный памятник, чтобы передать свою славу всем последующим эпохам.

Какова была судьба многих прекрасных городов древности, чьи безымянные руины загромаждают равнины Европы и Азии и пробуждают фантазии и бесплодные поиски путешественника? Они погрузились в пыль и безмолвие – они исчезли из памяти только из-за отсутствия историков! Филантроп может оплакивать их запустение, поэт может бродить среди их

полуразрушенных арок и обшарпанных колонн и предаваться мечтательным полетам своей фантазии вреди гор черепков и мусора, но увы! увы! современный историк, чье перо, как и мо, обречено ограничиваться скучной констатацией фактов, тщетно ищет среди их забытых останков какой-нибудь памятник, который мог бы рассказать поучительную историю их славы и гибели.

«Войны, пожары, потопа, – говорит Аристотель, – уничтожают народы, а вместе с ними и все их памятники, открытия и тщеславие. Факел науки не раз угасал и вспыхивал вновь – несколько человек, которым случайно удалось спастись, воссоединяют нить поколений».

То же печальное несчастье, которое случилось со столькими древними городами, повторяется снова, и по той же печальной причине, с девятьюдесятыми из тех, что сейчас процветают на земном шаре. Для большинства из них время записи их истории прошло: их происхождение, их основание, а также ранние этапы их заселения навсегда похоронены в мусоре прошедших эпох; и то же самое произошло бы и с этим прекрасным уголком земли, если бы я не вырвал его из мрака в самый последний момент, в тот момент, когда описанные здесь события должны были вот – вот кануть в широко распростертую ненасытную пасть забвения, – если бы я, так сказать, не вытащил их оттуда за самые локоны, за самые пейсы, как раз в тот момент, когда несокрушимые клыки чудовища готовы были сомкнуться на них навсегда! И вот я, как уже отмечалось, тщательно собрал, сопоставил и разложил их по полочкам, «по полочкам, по полочкам», и начал эту кропотливую работу собирания клочков истории, которая послужит фундаментом, на котором другие историки впоследствии смогут воздвигнуть благородную надстройку, постепенно расширяющуюся во времени, пока Нью-Йорк Кникербокера не станет таким же объемным, если не сказать более – всеобъемлющим, как Рим Гиббона или Англия Хьюма и Смоллетта!

А теперь позвольте мне на минутку отвлечься: пока я откладываю перо, перенеситесь на какую-нибудь небольшую возвышенность на расстоянии двухсот или трёхсот лет вперёд; и, бросив взгляд с высоты птичьего полета на череду лет, которой мы впеменно разделены, откройте для себя и своего маленького, щедедушного я то мгновение, когда прародитель, прототип и предшественник их всех, стоящий во главе этого сонма литературных деятелей, с моей книгой под мышкой и Нью-Йорком за спиной, устремляется вперёд, как доблестный командир, к славе и бессмертию. Таковы тщетно-возвышенные фантомы, которые время от времени будут возникать в мозгу автора, озаряя, словно небесным светом, его уединенную комнату, подбадривая его усталый дух и побуждая продолжать свои труды.

Я всегда свободно высказывался об этих рапсодиях, когда бы они ни появлялись; надеясь, не из – за необычного эгоизма, а просто для того, чтобы читатель мог хоть раз получить представление о том, что думает и чувствует автор, когда пишет, – это знание очень редкое и любопытное, и оно очень важно для меня и даже, осмелюсь признаться, желанно.

Книга Первая

Которая содержит множество оригинальных теорий и заводных Философских Размышлений, касающихся СОТВОРЕНИЯ МИРА и его ЗАСЕЛЕНИЯ, всвязи с Историей НЬЮ-ЙОРКА.

Глава I

Согласно лучшим авторитетам, Мир, в котором мы живем, представляет собой огромную, непрозрачную, отражающую, неодушевленную массу, плавающую в бескрайнем эфирном океане бесконечного пространства Вселенной. Этот Мир, традиционно называемый Землёй, имеет форму апельсина, представляющего собой сплюснутый сфероид, причудливо сплюснутый в противоположных частях, в который вставлены два воображаемых полюса, которые, как предполагается, проникают друг в друга и соединяются в центре, образуя таким образом ось, вокруг которой могучий апельсин совершает регулярные суточные обороты. Переходы света и тьмы, из которых проистекает смена дня и ночи, производятся этим суточным вращением, последовательно открывающим различные части земли Солнечным лучам. Последнее, согласно лучшим, то есть новейшим, описаниям, представляет собой светящееся или огненное тело огромной величины, от которого этот мир отталкивается центробежной силой и к которому его притягивает центростремительная сила, иначе называемая притяжением Земли.

Таким образом гравитация; сочетание или, скорее, противодействие этих двух противоположных импульсов приводит к круговой и ежегодной революции. Отсюда вытекают различные сезоны года, а именно весна, лето, осень и зима. Я полагаю, что это наиболее авторитетная современная теория по данному вопросу, хотя есть много философов, придерживающихся совершенно иных мнений; некоторые из них также заслуживают большого уважения из-за своей глубокой древности и выдающихся личностей и раскрученных имён. Так, некоторые древние мудрецы утверждали, что Земля представляет собой протяжённую равнину, или колоссальный блин, поддерживаемую огромными колоннами, а другие – что она покоится на голове змеи или спине огромной черепахи, но поскольку они не представляли места для отдыха ни колоннам, ни черепахе, возник лёгкий тремор сомнений. С ним боролись, однако вся теория рухнула на землю из-за отсутствия должного фундамента.

Брахманы утверждают, что небеса покоятся на Земле, а Солнце и Луна плавают в них, как рыбы в воде, двигаясь днем с востока на запад и скользя вдоль края горизонта к своим первоначальным местам ночлега, в то время как, согласно Паураникам Индии, заявляется, что это обширная равнина, окруженная семью океанами сладости, нектара и других восхитительных жидкостей; что она усеяна семью горами и украшена в центре горной скалой из полированного золота; и что огромный дракон время от времени проглатывает Луну, что объясняет феномен лунного затмения.

Помимо этих и многих других не менее мудрых теорий, у нас есть глубокие догадки Абул-Хасана Али, сына Аль-Хана, сына Али, сына Абдеррахмана, сына Абдаллаха, сына Масуда эль-Хадхели, которого обычно называют Масуди, а по прозвищу Котбеддин, но который придерживается мнения, что скромный титул Лахлеб-ар-Расул, что означает спутник посланника Божьего. Он написал Всемирную Историю, озаглавленную «Мурудж-эд-дхараб, или Золотые луга и Копи Драгоценных Камней».

В этом величественном труде он изложил историю Мира, от сотворения и до момента написания в месте, которое находилось под властью халифата Моти Биллаха в месяце Джамади-эль-ауаль 336-го года Хиджры, или Года Бегства Пророка. Он сообщает нам, что Земля – это огромная птица, Мекка и Медина составляют голову, Персия и Индия – правое крыло, земля Гога – левое крыло, а Африка – хвост. Правда, о Магоге здесь ничего не сообщается, что вносит в изучение этой теории особую пикантность. Более того, он сообщает нам, что земля существовала до настоящего времени (которое он считает периодом в 7000 лет), что она пережила несколько Потопов и что, по мнению некоторых хорошо осведомленных знакомых ему браминов; она будет обновляться каждые семьдесят тысяч хазарумов; каждый хазаруам насчитывает 12 000 лет.

Таковы лишь некоторые из многих противоречивых мнений философов относительно происхождения и истории Земли, и мы обнаруживаем, что учёные в равной степени были озадачены природой Солнца. Некоторые из древних философов утверждали, что это огромное колесо из сверкающего огня; другие – что это просто зеркало или сфера из прозрачного хрусталя; а представители третьей группы, во главе которой стоит Анаксагор, утверждали, что это не что иное, как огромная воспламененная масса железа или камня – на самом деле он утверждал, что небеса – это просто каменный свод, а звёзды – это камни, которые поднимаются с земли и поджигаются от скорости её вращения.

Но я уделяю мало внимания доктринам этого философа, жители Афин полностью опровергли их инсинуации, изгнав его из своего города – лаконичный способ ответить на любые нежелательные доктрины, к которым часто прибегали в прежние времена плохие люди. Другая секта философов действительно утверждает, что из Земли постоянно исходят некие флюиды, некие огненные частицы, которые, концентрируясь днём в одной точке небосвода, образуют Солнце, но будучи рассеянными и блуждающими ночью в темноте, концентрируются в различных точках и образуют звезды. Они регулярно перегорают и гаснут, подобно фонарям на наших улицах, и требуют свежего запаса воздуха для следующей реинкарнации.

Есть даже записи о том, что в определённые отдалённые и малоизвестные периоды из-за большой нехватки топлива Солнце полностью выгорало, превращаясь как бы в сгнившую тыкву, и иногда и по месяцу не зажигалось вновь. Весьма печальное обстоятельство, сама мысль о котором очень волновала Гераклита, этого достойного рыдания философа древности. В дополнение к этим различным предположениям, ставившего его в растяжку, Гершель придерживался мнения, что Солнце – это великолепное обитаемое место; свет, который оно излучает, исходит от неких небесных, светящихся или фосфорических облаков, плавающих в его прозрачной атмосфере.

Но мы не будем сейчас углубляться в природу Солнца, поскольку это исследование не является необходимым для развития нашей истории. Мы также не будем больше ввязываться в бесконечные споры философов, касающиеся формы Земного Шара, а ограничимся теорией, выдвинутой в самом начале этой главы и приступим к экспериментальной иллюстрации сложности движения, описанного в ней применительно для нашей вращающейся планеты.

Профессор фон Поддингкофт (или Паддингхед, как можно перевести это имя на английский язык) долгое время славился в Лейденском университете глубокой серьёзностью манер и умением засыпать в разгар экзаменов, к бесконечному облегчению его подающих большие надежды студентов, которые благодаря этому с большим трудом учились в колледже, провозгласившем краеугольными камнями высшего образования лёгкость и чарующую мозаичность обучения.

Во время одной из своих лекций ученый профессор, схватив ведро с водой, размахивал им над головой (вертел) на расстоянии вытянутой руки. Импульс, с которым он отбросил от себя сосуд, был центробежной силой, удержание его руки действовало как центростремительная сила, а ведро, заменявшее землю, описывало круговую орбиту вокруг круглой головы

и рубинового лица профессора фон Поддингкофта, которые образовывали неплохую фигуру, изображавшую Солнце. Все эти подробности были должным образом объяснены классу изумленных студентов, собравшихся вокруг него. Более того, он сообщил им, что тот же принцип тяготения, который удерживает воду в ведре, удерживает океан от того, чтобы он не улетел с земли при её быстром вращении; и далее он сообщил им, что, если движение Земли внезапно прекратится, она неизбежно упадет на Солнце под действием центростремительной силы и изменение силы тяжести – самое разрушительное событие для этой планеты, которое также затмило бы солнечное светило, хотя, скорее всего, не погасило бы его.

Незадачливый юнец, один из тех бродячих гениев, которые, кажется, посланы в этот мир только для того, чтобы досаждают достойным людям из ордена толстоголовых, желая убедиться в правильности эксперимента, внезапно схватил профессора за руку как раз в тот момент, когда ведро было в зените, и тут же с поразительной точностью опустилось на него. философская голова наставника молодежи. При соприкосновении раздался глухой звук и раскаленное докрасна шипение, но теория была подтверждена самым наглядным образом, поскольку злополучное ведро погибло в столкновении; но вот из воды вынырнуло пылающее лицо профессора фон Поддингкофта, еще более пылающее от невыразимого негодования, чем когда-либо, отчего студенты получили прекрасное наставление и ушли значительно мудрее, чем прежде. Прискорбным обстоятельством, которое сильно озадачивает многих дотошных философов, является то, что природа часто отказывается поддерживать его самые глубокие и изощренные усилия; так что часто, после изобретения одной из самых остроумных и естественных теорий, которые только можно вообразить, у нее хватает извращенности действовать прямо вопреки его системе и категорически противоречат его самым любимым позициям. Это явная и незаслуженная обида, поскольку она полностью переносит осуждение вульгарного и необразованного человека на философа; в то время как вину следует приписывать не его теории, которая, несомненно, верна, а своенравию госпожи Природы, которая, с присущим ее полу непостоянством, постоянно поддается кокетству и капризам и, похоже, действительно получает удовольствие, нарушая все философские правила и бросая самых ученых людей. и неутомимый из ее поклонников. Так оно и произошло в соответствии с приведенным выше удовлетворительным объяснением движения нашей планеты; по-видимому, центробежная сила давно перестала действовать, в то время как ее антагонист остается в неизменном состоянии: следовательно, мир, согласно теории в ее первоначальном виде, должен был бы со всей строгостью рухнуть на солнце; философы были убеждены, что это произойдет, и с тревожным нетерпением ожидали наступления конца света. исполнение их прогнозов. Но неблагоприятная планета упрямо продолжала свой путь, не обращая внимания на то, что у нее были причины, философия и целый университет ученых профессоров, выступавших против ее поведения. Философы восприняли это очень болезненно, и считается, что они никогда бы не простили пренебрежения и оскорбления, которые, по их мнению, были нанесены им миром, если бы добродушный профессор любезно не выступил посредником между сторонами и не добился примирения. Обнаружив, что мир не может приспособиться к этой теории, он мудро решил приспособить эту теорию к миру; поэтому он сообщил своим собратьям-философам, что круговое движение земли вокруг Солнца было вызвано противоречивыми импульсами, описанными выше, и превратилось в регулярный оборот, независимый от причины, вызвавшей это движение. это происхождение. Его ученые собратья с готовностью присоединились к этому мнению, искренне радуясь любому объяснению, которое могло бы приличным образом вывести их из затруднительного положения; и с тех пор, начиная с той памятной эпохи, мир был предоставлен самому себе и вращался вокруг Солнца по той орбите, которую он считал правильной.

Глава II

Таким образом, я вкратце познакомил моего читателя с устройством этого Мира и дал ему некоторое представление о его форме и расположении, и посему ему, естественно, будет любопытно узнать, откуда он взялся и как был создан. И, действительно, прояснение этих моментов абсолютно необходимо для моей истории, поскольку, если бы этот мир не был создан, более чем вероятно, что этот знаменитый остров, на котором расположен город Нью-Йорк, никогда бы не существовал. Таким образом, обычный ход логики моей истории требует, чтобы я перешел к рассмотрению космогонии или формирования нашего Земного Шара.

А теперь я должен честно предупредить своих читателей, что на одну-две главы я собираюсь погрузиться в такой запутанный лабиринт, в каком еще не бывали историки; поэтому я советую им крепко держаться за мои юбки и не отставать от меня ни на шаг, не сворачивая ни вправо, ни влево, чтобы слева они не погрязли в трясине непонятной учёности или чтобы их мозги не повредились от каких-нибудь трудных греческих названий, которые будут разлетаться во все стороны. Но если кто-то из них окажется слишком ленивым или трусливым, чтобы сопровождать меня в этом опасном предприятии, им лучше срезать путь и подождать меня в начале какой-нибудь более приятной главы.

О сотворении мира у нас есть тысячи противоречивых свидетельств; и хотя божественное откровение дает нам весьма удовлетворительное объяснение, все же каждый философ изголяется тут по-своему и считает для себя честью сообщить нам самые сливки его откровений. Как беспристрастный историк, я считаю своим долгом обратить внимание на всего несколько их теорий, благодаря которым человечество получило столь глубокое образование и наставления, что смогло просуществовать пять тысяч лет.

Так, некоторые древние мудрецы придерживались мнения, что Земля и вся система Вселенной – это само Божество; эту доктрину наиболее энергично отстаивали Зенофан и всё племя элеатов, а также Страбон и секта философов-перипатетиков. Пифагор также ввел знаменитую систему счисления монады, диады и триады и с помощью своей священной четверицы объяснил устройство Мира, тайны Природы и принципы как музыки, так и морали, что казалось, что он гвозди забивал.

Другие мудрецы придерживались математической системы квадратов и треугольников; куб, пирамида и сфера; тетраэдр, октаэдр, икосаэдр и додекаэдр волновали их всемерно и всегда. В то время как другие отстаивали великую элементарную теорию, согласно которой строение нашего Земного Шара и всего, что в нём содержится, объясняется сочетаниями четырех материальных элементов – воздуха, земли, огня и воды – с помощью пятого, нематериального и животворящего принципа. Я также не могу не упомянуть о великой атомной системе, которой учил старый Мосх перед осадой Трои; которая была возрождена Демокритом – королём весёлой памяти; усовершенствована Эпикуром, этим царем добрых людей; и модернизирована фантастом Декартом. Но я отказываюсь спрашивать, вечны ли атомы, из которых, как говорят, состоит Земля, или они появились недавно; одушевлены они или нет; независимо от того, были ли они, по мнению атеистов, объединены случайно, или, как утверждают теисты, были созданы высшим разумом.

Действительно ли Земля представляет собой бесчувственную каменную глыбу или же она одушевлена Мировым Духом, какового мнения упорно придерживались многие философы, во главе которых стоял великий Платон, этот сдержанный мудрец, который окатил холодной водой философии форму половой активности Вселенной и привил доктрину платонической любви свойствам изысканно утонченного полового акта, но гораздо лучше приспособленного к идеальным обитателям его воображаемого острова Атлантида, чем к крепкой расе, состоящей из непокорной плоти и крови, которая населяет маленький пошлый остров, на котором

мы живём. Помимо этих систем, у нас есть, кроме того, поэтическая теогония старого Гесиода, который создал всю Вселенную в результате регулярного размножения; и правдоподобное мнение других, что Земля вылупилась из великого Яйца Ночи, которое плавало в Хаосе и было расколото рогами Дракона, которого иные называли Небесным Быком.

Чтобы проиллюстрировать эту последнюю доктрину, Бернет в своей «теории Земли» порадовал нас точным рисунком и описанием как формы, так и структуры этого земного яйца, которое, как оказалось, удивительно похоже на гусиное.

Те из моих читателей, которые проявляют должный интерес к происхождению нашей планеты, будут рады узнать, что самые глубокие мудрецы древности среди египтян, халдеев, персов, греков и латинян поочередно помогали вылупляться этой странной птице, и что их кудахтанье было оценено и схвачено, и что их потомство появилось на свет и продолжало кудахтать и гоготать в разных тонах и интонациях, от философа к философу, вплоть до наших дней.

Но, кратко остановившись на давно прославленных системах древних мудрецов, позвольте мне не обойти вниманием системы других философов, которые, хотя и менее универсальны, чем известные, меж тем имеют равные права на внимание и равные шансы на правильность.

Так, брахманы записали на страницах своей вдохновенной Шасты, что ангел Бистну превратился в огромного вепря, погрузился в водную пучину и поднял Землю на своих клыках. Затем из него вышли могучая Черепаха и могучая Змея; и Бистну посадил Змею вертикально на спину Черепахи, а на голову Змеи насыпал земли.

Негритянские философы Конго утверждают, что Мир был сотворён руками ангелов, за исключением их собственной страны, которую Всевышний слепил сам, чтобы она была в высшей степени прекрасной. И он приложил много усилий к созданию её обитателей и сделал их очень чёрными и красивыми; и когда он закончил первого человека, он был очень доволен им и лично разгладил ему лицо, и поэтому его нос и носы всех его потомков стали плоскими.

Философы племени могавков рассказывают нам, что беременная женщина упала с небес, и что Черепаха взяла ее на спину, потому что всё вокруг было залито водой; и что женщина, сидя на Черепахе, гребла руками по воде и разгребала Землю, откуда она в конце концов и появилась. В общем, случилось так, что Земля поднялась и стала выше воды.

Но я воздержусь от дальнейшего цитирования этих древних и заморских философов, чьё прискорбное невежество, несмотря на всю их эрудицию, вынуждало их писать на языках, понятных лишь немногим из моих читателей; и я кратко остановлюсь на нескольких более понятных и модных теориях их современных последователей. И, во-первых, я упомяну великого Бюффона, который предположил, что первоначально этот Земной Шар был шаром из жидкого огня, выделившегося из тела Солнца в результате удара кометы, подобно тому как искра образуется при столкновении кремня и стали. Что сначала он был окружен плотными парами, которые, охлаждаясь и конденсируясь с течением времени, образовывали, в зависимости от их плотности, землю, воду и воздух, которые постепенно располагались, в соответствии с их относительной плотностью, вокруг горячей или остекленевшей массы, образующей их центр, который, как я полагаю, был центром тяжести планеты. Хаттон, напротив, полагает, что воды изначально имели первостепенное значение; и он ужасается мысли о том, что Земля в конечном итоге должна быть размыта дождями, реками и горными потоками, пока не смешается с океаном, или, другими словами, полностью не растворится в воде. Само по себе, это весьма возвышенная идея! Идея, намного превосходящая идею мягкосердечной девушки древности, которая оплакивала себя в фонтане; или о доброй даме из Нарбонны во Франции, которая из-за несвойственной её полу болтливости была обречена очистить пятьсот тысяч тридцать девять луковиц, и у неё действительно потекли слюнки, прежде чем была выполнена хотя бы половина этой отвратительной работы.

Уисторн, тот самый гениальный философ, который соперничал с Диттоном в его исследованиях долготы (за что озорник Свифт обрушил на их головы самую пикантную строфу), отличился замечательной теорией относительно Земли. Он предполагал, что первоначально это была хаотическая комета, которая, будучи выбранной Провидением для обитания человека, сошла со своей эксцентрической орбиты и вращалась вокруг Солнца в своем нынешнем регулярном движении; в результате изменения направления порядок сменился беспорядком в расположении её составных частей.

Философ добавляет, что потоп был вызван невежливым приветствием со стороны водянистого хвоста другой кометы, несомненно, из-за чистой зависти к ее улучшенному состоянию; таким образом, он служит печальным доказательством того, что зависть может царить даже среди небесных тел, и разногласия нарушают небесную гармонию сфер, столь мелодично воспетую чистоплюями-поэтами.

Но я вынужден опустить ряд замечательных теорий, среди которых есть теории Бернета, Вудворда и Уайтхерста, крайне сожалея, что у меня нет времени уделить им должное внимание, и в заключение остановлюсь на теории знаменитого доктора Дарвина. Этот ученый фиванец, который отличается как остроумием, так и рассудительностью, и добродушной доверчивостью, как и серьезными исследованиями, и который прекрасно зарекомендовал себя в глазах дам, посвящая их во все романы, любовные похождения, разврат и другие скандальные темы при дворе Флоры, натолкнулся на теорию, достойную его пылкового воображения. По его мнению, огромная масса хаоса воспользовалась внезапным поводом, чтобы взорваться, подобно бочке с порохом, и в результате этого взрыва взорвалось Солнце, которое в своем полете, в результате аналогичной конвульсии, взорвало Землю, которая, в свою очередь, взорвала Луну, и, таким образом, в результате цикла взрывов была создана вся Солнечная Система, которая теперь самым систематическим образом приводилась в движение!

Благодаря большому разнообразию упомянутых здесь теорий, каждая из которых, при тщательном изучении, окажется удивительно последовательной во всех своих частях, мои неискушенные читатели, возможно, придут к выводу, что сотворение Мира – не такая сложная задача, как им казалось вначале. Я продемонстрировал по меньшей мере дюжину оригинальных методов, с помощью которых можно было бы создать Мир; и я не сомневаюсь, что если бы кто-нибудь из упомянутых выше философов воспользовался хорошей управляемой кометой и философским складом хаоса в своем распоряжении, он бы занялся созданием планеты, столь же хорошей, или, если вы поверите ему на слово, даже лучшей и более продвинутой, чем та, на которой мы живем. И здесь я не могу не отметить доброту Провидения, создавшего кометы к великому облегчению озадаченных философов. С их помощью в системе Природы происходит больше неожиданных эволюций и переходов, чем в пантомимическом представлении с помощью волшебного меча арлекина. Если бы кто-нибудь из наших современных мудрецов в своих теоретических полётах среди звезд когда-нибудь заблудился в облаках и столкнулся с опасностью свалиться в бездну бессмыслицы и абсурда, ему достаточно было бы схватить комету за бороду, сесть верхом на её хвост и с триумфом умчаться прочь, как чародей мчится на своем гиппогрифе или ведьма из Коннектикута на своей метле, «чтобы смахнуть паутину и пыль с небес».

Есть старая и вульгарная поговорка о «нищем на коне», которую я ни за что на свете не применил бы к этим почтенным философам; но я должен признать, что некоторые из них, когда садятся верхом на одного из этих огненных скакунов, становятся такими же дикими в своих пируэтах, как Фаэтон былых времен, когда он стремился управлять колесницей Феба. Один на полной скорости гонит свою комету навстречу Солнцу и сотрясает его от мощного сотрясения; другой, более умеренный, превращает свою комету в своего рода выючное животное, регулярно доставляющее Солнцу продовольствие и хворост; третий, более вспыльчивый, угрожает обрушить на мир свою комету, как разорвавшуюся бомбу, и взорвать его, как поро-

ховой погреб; в то время как четвертый, не проявляющий особой деликатности по отношению к этой планете и ее обитателям, намекает, что когда – нибудь его комета – от которой мое скромное перо покраснеет, когда я буду писать про то, как она непременно обрушится на наш мир и зальет его водой! Несомненно, как я уже отмечал, Провидение щедро снабдило философов кометами, чтобы помочь им в создании теорий. А теперь, приведя несколько наиболее известных теорий, которые пришли мне на ум, я предоставляю моим рассудительным читателям полную свободу выбора. Все это серьезные рассуждения ученых людей, все они существенно отличаются друг от друга и все имеют одинаковое право на веру. Задачей воинственной расы философов всегда было разрушить труды своих предшественников, выкорчевать их фундаменты и воздвигнуть на их месте более великолепные фантазии, которые, в свою очередь, разрушаются и заменяются воздушными замками философов следующего поколения. В научной среде это обычно называется «Преемственностью». Таким образом, может показаться, что знания и гениальность, которыми мы так славимся, заключаются лишь в выявлении ошибок и нелепостей трудов тех, кто был до нас, и в изобретении новых, ещё более крутых ошибок и нелепостей, которые должны быть обнаружены теми, кто придет после нас. Таким образом, теории – это могучие мыльные пузыри, которыми забавляются взрослые дети науки, в то время как честные простолюдины стоят, выпучив глаза от изумления, глядя на них в глупом восхищении, исторгая глухое мычание и величая эти ученые причуды именем Мудрости или Событий Минервы!

Несомненно, Сократ был прав в своём мнении, что философы – это всего лишь более-менее трезвые безумцы, занимающиеся вещами, которые совершенно непостижимы с точки зрения здравого смысла, или которые, если бы их можно было понять, то эти открытия были бы сочтены недостойными времени, усилий и труда, потраченного на них. Что касается меня, то до тех пор, пока учёные люди не придут к соглашению между собой, что считать Наукой, я буду довольствоваться рассказом, переданным нам Моисеем, в котором я всего лишь следую примеру наших изобретательных соседей из Коннектикута, которые при своём первом поселении провозгласили, что колония должна управляться по законам Бога, и никак иначе – пока у них не будет времени осмотреться по сторонам и исправиться. Однако одно кажется несомненным – исходя из единодушного авторитета процитированных выше философов, подкрепленного свидетельствами наших собственных органов чувств (которые, хотя и очень склонны нас обманывать, могут быть осторожно приняты в качестве дополнительного свидетельства), – это кажется очевидным, говорю я, и делаю это утверждение сознательно, без страха, конечно, что есть известное противоречие в том, что этот Земной Шар действительно был сотворён в порыве каких-то невероятных событий и сил, и что он по преимуществу состоит из суши и воды. Кроме того, оказывается, что Земля странным образом разделена на континенты и острова, среди которых, я смело заявляю, знаменитый остров Нью-Йорк найдет любой, кто поищет его на своём обычном месте.

Глава III

Ной, который является первым известным мореплавателем, о котором мы читаем в древней прессе, родил трёх сыновей – Сима, Хама и Иафета. На самом деле, немало авторов утверждают, что у патриарха было много и других детей. Так, Берозус делает его отцом гигантских титанов; Мефодий дарит ему сына по имени Йонифус, или Джоникус (который был первым изобретателем пирожных «Джонник»); а другие упоминают сына по имени Туискон, от которого произошли тевтоны, или тевтонский народ, или, другими словами, вся голландская нация.

Я чрезвычайно сожалею, что характер моего плана не позволяет мне удовлетворить похвальное любопытство моих читателей, готовых тут же броситься в подробное изучение поучительной истории приключений великого Ноя. Действительно, такое предприятие было бы сопряжено с большими трудностями, чем многие могут себе представить, поскольку старый добрый патриарх, по-видимому, в свое время был великим путешественником и в каждой стране, которую он посещал, выступал под другим именем.

Халдеи, например, рассказывают нам его историю, просто изменив его имя на Ксисутр – тривиальное изменение, которое историку, сведущему в этимологии, покажется совершенно несущественным. Похоже также, что у халдеев он сменил свой плащ и квадрант на великолепные королевские знаки отличия и в их летописях фигурирует как монарх.

Египтяне прославляют его под именем Осириса, индийцы – Мену, греческие и римские писатели путают его с Огигесом, а фиванцы – с Девкалионом и Сатурном. Но китайцы, которые заслуженно считаются стоящими в ряду самых обширных и достоверных историков, поскольку они знают мир гораздо дольше, чем кто-либо другой, заявляют, что Ной был не кто иной, как Фои; и что придает этому утверждению некоторую достоверность, так это то, что это факт, признанный самыми просвещенными литераторами, что Ной путешествовал по Китаю во время строительства Вавилонской башни (вероятно, для того, чтобы совершенствоваться в изучении языков), а ученый доктор Шакфорд сообщает нам дополнительную информацию о том, что Ковчег покоился на горе на границе Китая. Из этой массы рациональных предположений и мудрых гипотез можно было бы сделать множество удовлетворительных выводов, но я ограничусь простым фактом, изложенным в Библии, а именно, что Ной родил трех сыновей: Сима, Хама и Иафета.

Поразительно, от каких отдаленных и неясных случайностей зависят великие события этого мира и как события, самые отдаленные и для обычного наблюдателя и не связанные между собой, неизбежно оказываются вытекающими одно из другого. Философу остаётся только обнаружить эти таинственные сходства, и величайшим триумфом его мастерства является обнаружение и выдвижение на первый план некой скрытой причинно-следственной связи, которая на первый взгляд кажется парадоксом неопытному наблюдателю. Таким образом, многие из моих читателей, несомненно, зададутся вопросом, какую связь может иметь семья Ноя с этой историей; и многие удивятся, когда узнают, что вся история этой части света приобрела свой характер и направление из – за того простого обстоятельства, что у патриарха было всего три сына, – но это ещё нужно объяснить. Различные весьма заслуживающие доверия историки сообщают нам, что Ной, став единственным оставшимся в живых наследником и владельцем земли, попросту говоря, после всемирного потопа, как хороший отец, распределил свое имущество между своими детьми.

Симу он отдал Азию, Хаму – Африку, а Иафету – Европу. Теперь можно тысячу раз пожалеть о том, что у него было всего три сына, потому что, будь у него четвертый, он, несомненно, унаследовал бы Америку, которая, конечно же, уже тогда была бы вызволена из неизвестности по этому случаю; и, таким образом, многие трудолюбивые историки и философы были бы

избавлены от огромного количества утомительных догадок относительно первого открытия и населения этой страны.

Ной, однако, обеспечив трех своих сыновей, по всей вероятности, смотрел на нашу страну как на дикую, неустроенную и потому не весьма желанную землю и ничего не говорил о ней; и этой непростительной молчаливости патриарха мы можем приписать то несчастье, что Америка вылупилась на свет не так рано, как другие части земного шара. Правда, некоторые писатели оправдывали его за это недостойное поведение по отношению к потомкам и утверждали, что он действительно открыл Америку. Так, по мнению Марка Лескарбо, французского писателя, обладавшего потрясающей тяжеловесностью мысли и глубиной размышлений, столь свойственными его нации, непосредственные потомки Ноя населяли эту часть земного шара, и сам старый патриарх, все еще сохранявший страсть к мореплаванию, руководил этим процессом переселения душ.

Благочестивый и просвещенный отец Шарлевуа, французский иезуит, известный своим отвращением ко всему чудесному, и тяге к нему, свойственным всем великим путешественникам, в конечном счете придерживается того же мнения; более того, он идет еще дальше и определяет способ, которым было совершено открытие, – морским путем и под водой. непосредственное руководство великого Ноя.

«Я уже отмечал, – восклицает добрый отец с подобающим негодованием в голосе, – что предположение о том, что внуки Ноя не смогли проникнуть в Новый Свет или что они никогда об этом не думали, является произвольным, или, лучше сказать, надуманным. По сути, я не вижу причин, которые могли бы оправдать такое предположение. Кто может всерьез поверить, что Ной и его ближайшие потомки знали меньше, чем мы, и что строитель и кормчий величайшего из когда-либо существовавших кораблей, корабля, который был создан для того, чтобы пересекать бескрайний океан, и от которого нужно было защищаться от стольких мелей и зыбучих песков, должен был ничего не знать или не должен был передать ли он своим потомкам искусство плавания по океану? Следовательно, они действительно плавали по океану, следовательно, они приплыли в Америку, следовательно, Америка была открыта Ноем! Аминь!»

Итак, вся эта изысканная цепочка рассуждений, столь поразительно характерная для доброго пастыря, обращенная скорее к вере, чем к разуму, категорически отвергается Гансом де Лаэтом, который объявляет настоящим и в высшей степени нелепым парадоксом предположение, что Ной когда-либо лелеял мысль об открытии Америки.

Ханс – голландский писатель, и я склонен полагать, что он, должно быть, был гораздо лучше знаком с достойной командой «ковчега», чем его конкуренты, и, конечно же, обладал более точными источниками информации. Удивительно, насколько и фамильярно историки ежедневно общаются с бородатыми патриархами и другими усатыми великими людьми древности. Поскольку со временем близость становится все более тесной, а ученые люди изнемогают в своей любознательности, и, как я уже говорил, козыряют на всех углах в своем фамильярном знакомстве с древними, я не удивлюсь, если некоторые будущие писатели серьезно и в деталях расскажут нам о людях и нравах, которые существовали задолго до Потопа, поведают гораздо более подробно и точно, чем глаголит протрясающе правдивая в своих показаниях Библия; и что в течение следующего столетия вахтенный журнал «доброго Ноя» будет пользоваться таким же успехом у историков, как «путешествия капитана Кука» или знаменитая история Робинзона Крузо.

Я не буду тратить свое время на обсуждение огромного количества дополнительных предположений, домыслов и вероятностей, касающихся первого открытия этой страны, которыми перегружают себя несчастные историки в своих попытках рассеять сомнения недоверчивого и пугливого мира. Больно видеть, как эти трудолюбивые люди-пчелы тяжело дышат, надрываются и потеют под непосильной ношей в самом начале своей работы, которая, когда её открывают, оказывается не чем иным, как огромной охапкой соломы. Поскольку, однако, бла-

годаря неустанному усердию они, по-видимому, к удовлетворению всего мира установили факт открытия этой страны, я воспользуюсь их полезными трудами, чтобы быть предельно кратким по этому вопросу. Поэтому я не буду останавливаться на том, чтобы выяснить, была ли Америка впервые открыта блуждающим кораблем того знаменитого финикийского флота, который, согласно Геродоту, обогнул Африку, или той карфагенской экспедицией, которая, как сообщает нам натуралист Плиний, открыла Канарские острова, или же она была заселена временной колонией из Тира, на что намекали Аристотель и Сенека.

Я не стану выяснять, был ли он впервые открыт китайцами, как с большой проницательностью утверждает Воссюс, или норвежцами в 1002 году при Байроне, или немецким мореплавателем, как утверждает мистер Бигем. Отто старался доказать это ученым города Филадельфии. Я также не буду рассматривать более современные утверждения валлийцев, основанные на путешествии принца Мэдока в XI веке, который так и не вернулся, и с тех пор был сделан мудрый вывод, что он, должно быть, отправился в Америку, и что по вполне понятной причине, если он не отправился туда, то куда еще мог отправиться? он ушел? – вопрос, который самым сократовским образом исключает все дальнейшие споры. Поэтому, оставляя в стороне все вышеперечисленные предположения и множество других, не менее убедительных, я приму на веру расхожее мнение, что Америка была открыта 12 октября 1492 года генуэзцем Кристофером Колумбом, которого неуклюже прозвали Колумбом, но по какой причине, я не могу понять. О путешествиях и приключениях этого Колона я ничего не скажу, поскольку они и так достаточно известны. Я также не берусь доказывать, что эту страну следовало назвать Колонией в честь его славного имени, поскольку это, как известно, само собой разумеется.

К счастью, мои основные читатели оказались по эту сторону Атлантики, и я представляю себе, как они сторают от нетерпения насладиться зрелищем наплывающей

Земли Обетованной и пребывают в полном ожидании, что я немедленно передам её в их распоряжение. Но если я это сделаю, пусть я навсегда потеряю репутацию воспитанного историка!

Нет – нет, самые любопытные и трижды образованные читатели (ибо вы трижды образованны, если прочитали все, что было до этого, и будете девятикратно образованны, если прочтете то, что следует за этим), перед нами еще целый мир работы. Думаете, первым первооткрывателям этого прекрасного уголка Земного Шара ничего не оставалось, как сойти на берег и найти страну, уже распланированную и возделанную, как сад, где они могли бы наслаждаться своим воистину младенческим непринужденным счастьем? Нет, это не так. Им нужно было вырубить леса, выкорчевать пни в подлесках, осушить болота и истребить праздношатающихся дикарей.

Точно так же мне нужно рассеять различные сомнения, разрешить неизбежные вопросы и объяснить парадоксы, прежде чем я позволю вам действовать наугад; но как только эти трудности будут преодолены, мы сможем весело, в ритме танго, продвигаться вперед по всей нашей истории. Таким образом, моя работа будет в некотором роде отражать природу рассматриваемого нами предмета, точно так же, как, по мнению некоторых проницательных критиков, звучание поэзии отражает смысл – это усовершенствование истории, на которое я претендую как на изобретение, достойное патента.

Глава IV

Следующий вопрос, к которому мы приходим в ходе нашей дискуссионной истории, – это выяснить, по возможности, как первоначально была заселена эта страна, что чревато невероятными затруднениями, поскольку, если мы не докажем, что аборигены действительно откуда-то пришли, в наш век скептицизма немедленно будет заявлено, что они вообще не приходили, а раз так, то и не существовали, а утлые видения в цветастых пончо – порорждения болезненной фантазии; а если они вообще не появлялись, значит, эта страна никогда не была заселена – вывод, вполне согласующийся с правилами элементарно логики, но совершенно несовместимый со всеми человеческими чувствами, поскольку он логически должен был оказаться фатальным для бесчисленных аборигенов этого густонаселенного региона. Чтобы предотвратить столь ужасный софизм и спасти от логического уничтожения столько миллионов своих собратьев, сколько гусиных крыльев было обобрано и украдено! какие океаны чернил были великодушно осушены! и сколько вместительных голов ученых историков было заморочено и навсегда поставлено в коматозный тупик!

Я замираю от благоговейного трепета, когда созерцаю увесистые тома на разных языках, инкунабулы с золотыми корешками и цыетвчтфми закладкамис помощью которых они пытались решить этот вопрос, столь важный для счастья общества, но окутанный непроницаемым мраком неизвестности.

Историк за историком, плут за плутом вступали в бесконечный круг гипотетических споров и, после утомительного блуждания по октавам, квартам и фолиантам, в конце своей работы он оставил нас такими же мудрыми, какими мы были в начале нашего постижения Мира. Несомненно, это была своего рода философская погоня за дикими гусями, которая заставила старого поэта Макробия с такой страстью поносить любопытство, которое он от всей души предает анафеме как «надоедливую, мучительную заботу, суеверное стремление к бесполезным вещам, страстное желание увидеть то, чего не должно быть видно, потому что оно не существует, и получить удовольствие» от рекомендации делать то, что ничего не значит, никому не нужно, и благословить небеса, когда это сделано».

Но давайте продолжим!

О претензиях детей Ноя на первоначальное население этой страны я ничего не скажу, поскольку эти проблемы уже были затронуты в моей предыдущей главе.

Следующие по известности претенденты – многочисленные, как саранча, потомки Авраама. Таким образом, Кристоваль Колон (в просторечии называемый Колумбом), когда он впервые обнаружил золотые прииски на Эспаньоле, сразу же пришёл к выводу, с проницательностью, которая сделала бы честь философу, что он нашёл древний Офир, откуда Соломон добывал золото для украшения Иерусалимского храма; более того, Колону даже показалось, что он видит остатки печей истинно древнееврейской постройки, использовавшихся для переработки драгоценной руды. Столь блестящая гипотеза, приправленная такой очаровательной экстравагантностью, была слишком заманчивой, чтобы ее немедленно не подхватили учёные мужи; и, соответственно, нашлось множество глубокомысленных авторов, готовых поклясться в её глубокомсленной правильности и привести свой обычный набор авторитетов и мудрых предположений, чтобы подкрепить ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.